

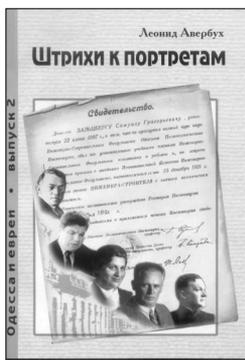
Данте и Фрейда, матроса Железняк и Васю-шмаровоза, Пуччини и Рафаэля, Толкиена и Брежнева, Маковского и Голубовского...

Всякий персонаж извлекается из "Подвала памяти" и демонстративно водружается на пирамиды, мавзолеи, башни Эйфеля, Пизы, Слоновой Кости и Кремля, мосты Святого Людовика и доверия, всякий раз иронически идентифицируя некий трепетный узел сознания, некий его тон — так мягкие молоточки обыгранного пианино безошибочно находят скрытые в недрах струны, и те, как прежде, отзываются доверительно и неизменно. Помните ассоциативный ряд эстрадного скетча: "врач — больной", "холодно — жарко" и т. п.? Мы как раз такие: "Африка?" — "Айболит!"; "Северный полюс?" — "Папанин!"; "Индия?" — "Индира Ганди!" и т. п. Не смешно, говорю я, печально. Невыразимой печалью веет от запоздалой "Одиссеи" жизнепроходца Феликса Кохрихта. Потому, должно быть, печаль эта прячется за камуфляжем ряженого, за спасительной самоиронией.

Спеленатый младенец, затянутый в форму школьник и курсант, стреноженный временем и цензурой литератор и журналист, ограниченный металлическими занавесями "путешественник", конь в пальто. Теперь уже — сфинкс...

Олег ГУБАРЬ

Долгая память

Леонид АВЕРБУХ
Штрихи к портретам
Одесса, "Мигдаль", 2004

Одесса — это голубое небо, Черное море, белая акация, "Красная" гостиница и, конечно же, ракушечник, который поэт Семен Кирсанов, он же Корчик, назвал когда-то "желтым камнем солнечного детства". А еще это — легендарная Потемкинская лестница, скрипучие деревянные галереи старинных домов, классическая колоннада Думы, отдающее романтикой Средневековья здание бывшей Бродской синагоги, знаменитый

Городской театр, многоголосый Староконный базар, строгий в своем величии памятник Неизвестному матросу и могучие платаны Пушкинской улицы... Все это так, но автор книги — одессит в седьмом поколении и, может быть, поэтому совершенно справедливо считает, что Одесса — это,

прежде всего, люди разных национальностей, сословий, профессий и занятий, которые на излете XVIII столетия основали ее в сухой причерноморской степи, обустроивали, холили, защищали, вывели на высокую орбиту мировой славы и доверчиво оставили потомкам. Леонид Григорьевич — врач более чем с полувековым стажем, хорошо знает, как, к сожалению, быстротечна человеческая жизнь и, может быть, поэтому давно и упорно старается сохранить память о земляках, достойных лучшей участи, нежели забвение. К тому же, с некоторыми из них автор был знаком лично.

...Во времена моего детства пожилые соседки еще выходили по вечерам за ворота, дабы, восседая на лавочке, неспешно обсудить все накопившееся за длинный летний день, себя, кому это интересно, показать, а главное, людей посмотреть. Только многих ли можно было увидеть на одной из улиц, будь она даже колоритной Малой Арнаутской, элегантной Ланжероновской, разудалой Костецкой или респектабельной Ришельевской? Леонид Авербух не приглашает посидеть у ворот, но ведет нас по городу, уверенно переходя из улицы в улицу, легко перешагивая из десятилетия в десятилетие, учтиво раскланивается и великодушно знакомит с повстречавшимся на пути актером, археологом, биологом, военачальником, инженером, кинооператором, литературоведом, математиком, певцом, политическим деятелем, поэтом, скульптором, физиком, художником. И если вы думаете, что это уже все, то совсем наоборот. Там были еще архитектор, врач, журналист, пианист, прозаик, философ, химик. Одни из них известны во всем мире, другие — в своей или какой другой стране, третьи — только в собственном городе, а четвертые и вовсе оказались подзабытыми. Но независимо от этого без каждого из них история Одессы ни в коем разе не может быть полной. К тому же, как благородно и мудро написал прекрасный писатель И.А. Бунин, "не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живших на земле".

В свое время биографические очерки Леонида Авербуха по разным случаям, причинам и поводам публиковались в различных периодических изданиях. Но уж такова участь газет и даже журналов, что они сегодня, честно отработав свое, завтра, в лучшем случае, ложатся толстенными подшивками на бесконечные библиотечные полки, а если покидают их, то не часто и не надолго. То ли дело книги, у которых совсем другая жизнь, И долгая, как память. Сообразно названию серии автор составил свою книгу из очерков о земляках-евреях. Как говорят в Одессе, а почему нет?

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ